

ВТОРОЙ ШАНС ДЛЯ ЖЕНЫ ДРАКОНА. КНИГА 2

ДАННА ЛЕДНИВА

Данна Леднива

Второй шанс для жены дракона. Книга 2

<https://litres.ru/74265417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война выиграна. Тьма отброшена. Но мир не стал безопаснее. Лиссандра знала, что быть Хранительницей — значит защищать. Но она не думала, что защита потребует от неё того, что она не готова отдать. Семь источников пробуждены — и каждый зовёт её к себе. На юг, где апельсиновые рощи скрывают древнюю тайну. На запад, где море хранит кости утонувших Хранительниц. В столицу, где Совет жаждет её силы.

И везде — одна и та же угроза. Кто-то убивает Хранительниц одну за другой. Их кровь питает тьму, которая должна была умереть.

Лиссандра должна идти. Но как оставить дом, который она построила из руин? Как оставить Лиру, которая только учится быть собой? Как оставить Рейнара, который пытается искупить то, что нельзя искупить?

Она не может выбрать между долгом и любовью. Но если она не выберет — мир заплатит за её нерешительность.

Она выжила после разрыва связи. Она выжила после битвы с тьмой. Но сможет ли она выжить, когда её собственное сердце станет полем битвы?

Содержание

ГЛАВА 1 — НОВЫЙ ДЕНЬ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Данна Леднива

Второй шанс для жены дракона. Книга 2

ГЛАВА 1 — НОВЫЙ ДЕНЬ

Утро в Каменном Ключе начиналось с запаха свежего хлеба.

Не того чёрного, плотного, что пекла Мира в первые месяцы, когда они выживали на муке из кладовой и травах Марты. А нового. Тёплого. С корицей и мёдом, с яблоками из сада, что Рен вырастил так густо, что ветви гнулись до земли. С орехами, что белки приносили в подарок, будто признавая хозяйкой.

Лиссандра просыпалась от этого запаха каждый день уже три месяца. И каждый день первое, что она чувствовала, было не удивление, не боль, не пустота. А покой.

Тот самый, ровный, тёплый, как голубой свет источников, что пульсировали под поместьем.

Она лежала, глядя в потолок. Не в тот провисший, с капавшей водой, что был в первую ночь. А в новый, укреплённый, с балками из светлого дуба, что Кaleb починил своей магией порядка. Стены были оштукатурены, побелены, с ру-

нами, что мерцали в глубине камня слабым голубым светом, когда дом дышал.

Рядом, на тюфяке у камина, спала Ли́ра. Не свернувшись клубком, как раньше, с пальцами, сжатыми вокруг одеяла. А раскинувшись, с открытым ртом, с одной ногой, высунутой из-под одеяла. Десятилетняя девочка, что выросла за три месяца так, будто ей исполнилось двенадцать. Её серебряные глаза во сне были закрыты, но даже сквозь веки видно было, как они двигаются, видя сны. Не кошмары больше. А обычные сны. Про школу. Про друзей. Про яблоки.

Лиссандра улыбнулась. Тихо. Тепло.

Она встала, не шумя, накинула халат, тот самый, с заплаткой на локте, что Мира сшила ей в первый месяц. Но теперь заплатка была не от бедности. А от гордости. Лиссандра не стала менять его на новый, хотя Мира предлагала. Этот халат помнил всё. Помнил первую ночь. Первое утро. Первое «я останусь».

Она вышла в коридор.

Дом дышал вокруг неё. Не как раньше, тихо, настороженно. А громко, радостно, как человек, что наконец нашёл семью. Стены шептали, но теперь это был не шёпот древних Хранительниц. А смех. Детский смех, что разносился по коридорам с верхних этажей, где спали ученики.

Их было двадцать три.

Не семеро, как в первую зиму. А двадцать три. Со всего королевства. С юга, с запада, с востока, с севера. С полуост-

рова, где жили морские ведьмы. Из гор, где прятались проклятые маги. Даже из Пустошей, откуда никто не возвращался.

Каждый со своей историей. Со своим даром. Со своим страхом.

И каждый нашёл здесь дом.

Лиссандра спустилась по лестнице. Не по той, что скрипела и проваливалась. А по новой, с перилами, что Дориан вырезал из тёмного ореха, с рунами защиты, что Талия вплела в дерево.

На кухне уже былолюдно.

Мира стояла у печи, в новом фартуке, с румяным лицом, и пекла блины. Талия сидела за столом, с кружкой чая, с зелёными рунами, что мерцали на висках, и читала газету, что привозили из столицы раз в неделю. Кaleb помогал ей, перелистывая страницы своей магией, чтобы не вставать. Дориан, в человеческом обличье, с мечом на поясе, ел кашу так быстро, будто боялся, что отнимут.

А у окна, с кружкой в руках, стоял Рейнар.

Лиссандра замерла на пороге.

Не от неожиданности. Она видела его каждое утро уже три месяца. А от того, что сердце её, вопреки всему, всё ещё ёкало, когда она смотрела на него.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, в простой серой рубашке, без камзола, без герцогских знаков. Его волосы были растрёпаны, как всегда, когда он не спал. На щеке,

под подбородком, белел тонкий шрам, след от того самого чёрного луча, что он принял на себя. Он пил чай, глядя в окно, на сад, на яблони, на туман, что медленно рассеивался над долиной.

Он был красив. Не так, как пять лет назад, когда был герцогом в золотом камзоле, с холодной улыбкой, с глазами, что не видели ничего, кроме политики. А по-другому. По-настоящему. Как человек, что прошёл через огонь и не сгорел. Как человек, что нашёл себя.

Он повернул голову, услышав её шаги. И улыбнулся.

Не той улыбкой, что была раньше. Не холодной, не расчётливой. А тёплой. Тихой. Настоящей.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — Лиссандра вошла, налила себе чаю. — Как спал?

— Нормально, — он пожал плечами. — Рана почти не болит. Талия говорит, через неделю останется только шрам.

— Хорошо, — Лиссандра села напротив Талии. — Сегодня ты работаешь с воинами?

— Да, — Рейнар кивнул. — Новые recruits приехали вчера. Нужно обучить.

— Сколько?

— Двенадцать. Из северных земель. Хорошие ребята. Но не знают дисциплины.

Лиссандра усмехнулась.

— Я научу.

— Ты и так их научила, — Рейнар посмотрел на неё. — Ты всех учишь.

Она не ответила. Только пила чай, глядя в окно.

Между ними была та самая тишина. Не неловкая. Не напряжённая. А другая. Тихая. Тёплая. Как между двумя людьми, что прошли через слишком многое, чтобы говорить лишнее. Как между двумя людьми, что знают друг друга слишком хорошо, чтобы притворяться.

Это была не любовь. Та любовь умерла в Зале Совета, когда разорвалась нить.

Но это было что-то другое. Что-то более глубокое. Более сложное.

Дружба.

Неловкая, неуклюжая, с моментами, когда оба не знали, что сказать, с паузами, что длились слишком долго, с взглядами, что ускользали слишком быстро. Но настоящая.

Рейнар остался. Не как герцог. Не как муж. А как тот, кто стоял рядом. Он помогал восстанавливать поместье, своими руками, своими деньгами, своими людьми. Он обучал воинов, что приходили к Лиссандре. Он защищал границы, что она установила. Он делал всё, что она просила. И даже больше.

Но он не приближался. Не просил. Не настаивал.

Он ждал.

Сколько угодно. Как обещал.

И Лиссандра не знала, что с этим делать.

После завтрака она пошла в зал.

Не в тот, что был гостиная с прогнившим полом. А в новый. Большой. Светлый. С высокими окнами, с полом из светлого дуба, с рунами на стенах, что мерцали, когда в зале была магия.

Это была школа.

Её школа.

Дети уже были там. Все двадцать три. Сидели на подушках, на скамьях, кто где. Элли, теперь двенадцатилетняя, с волосами, что были не рыжими, а медными, играла с огнём на ладони, маленьким, послушным, как домашний питомец. Корин, тринадцать лет, читал книгу, но его глаза бегали, он чувствовал эмоции всех в комнате. Тис, молчаливая, как всегда, рисовала тенями на стене, птицы, что летали, как живые. Рен, с зелёными пальцами от трав, что он выращивал, пересаживал росток в горшок, шепча ему что-то. Сольви, с тетрадю снов, записывала что-то, хмурясь. Близины, Нильс и Ив, менялись местами, не вставая, просто перепрыгивая сознанием из одного тела в другое, что было их новым трюком.

И Лира.

Она сидела в первом ряду, с серебряными глазами, что видели всё. Перед ней лежала открытая книга, но она не читала. Она смотрела на Лиссандру, и в её взгляде было что-то, чего Лиссандра не видела раньше.

Гордость.

— Доброе утро, — сказала Лиссандра.

— Доброе, — хором ответили дети.

— Сегодня мы продолжим то, что начали вчера, — Лиссандра встала посреди зала. — Контроль. Не подавление. Не высвобождение. А контроль. Вы должны чувствовать свой дар, как чувствуете своё тело. Как дышите. Как моргаете.

Элли подняла руку.

— А если не получается?

— Тогда мы попробуем снова, — Лиссандра улыбнулась.

— И снова. И снова. Пока не получится.

— А если никогда не получится? — спросил Корин.

— Получится, — Лиссандра посмотрела на него. — Потому что я в вас верю. А если я верю, вы не можете не поверить сами.

Дети засмеялись. Тихо. Но искренне.

Лиссандра начала занятие.

Она учила их не магии. Магии они учились сами, у Талии, у Калеба, у Морриган, у проклятых магов, что жили в поместье. Она учила их другому.

Жить.

Не бояться себя. Не прятаться. Не стыдиться. А быть. Быть собой. Быть сильными. Быть добрыми. Быть теми, кем они должны были быть.

Это было труднее, чем любая магия.

К полудню приехали гости.

Не ученики. Просители.

Они приезжали каждый день уже два месяца. С тех пор, как слух о битве разнёсся по королевству. С тех пор, как люди узнали, что в Каменном Ключе живёт Хранительница, что победила тьму. Что собрала армию изгоев. Что спасла мир.

Сегодня их было трое.

Первый был фермер, с юга, из земель, где росли апельсиновые рощи. Его сад умирал. Не от болезней. Не от вредителей. А от того, что земля под ним была больна. От того, что кто-то пролил тёмную магию, и теперь ничего не росло.

— Я слышал, вы можете помочь, — сказал он, стоя на пороге, с шапкой в руках, с глазами, полными надежды. — Говорят, вы Хранительница. Говорят, вы пробудили источники.

— Я попробую, — Лиссандра кивнула. — Дайте мне день.

Она пошла с ним в сад. Положила руки на землю. Источники откликнулись. Голубой свет хлынул из её ладоней, в землю, в корни, в самую сердцевину. И земля вздохнула. Как человек, что наконец вдохнул после долгого удушья.

— Приезжайте через неделю, — сказала она фермеру. — Ваш сад будет жить.

Второй была женщина, из столицы. Её дочь заболела. Не обычной болезнью. А той, что приходила от тёмной магии. От той, что Меделин оставила после себя, как наследство. Врачи не могли помочь. Жрецы не могли. Только Храни-

тельница.

— Я не знаю, смогу ли, — Лиссандра посмотрела на женщину. — Но я попробую. Привезите её завтра.

Третий был старик, из деревни, что была рядом. Он принёс корзину яиц.

— Это вам, — сказал он. — От нас. За то, что вы сделали. За то, что вы есть.

Лиссандра взяла корзину. И заплакала.

Тихо. Беззвучно. Так, как плачут те, кто не ожидал такой благодарности.

Вечером она сидела на балконе.

Том самом, где стояла в ночь после битвы. Где думала: «Я — не вторая. Я — единственная».

Теперь она думала о другом.

О том, как быстро всё изменилось. Три месяца. Всего три месяца. А кажется, прошла целая жизнь.

Поместье было восстановлено. Не полностью. Не до той роскоши, что была во дворце. Но до того, что было нужно. До тепла. До света. До жизни.

Школа работала. Двадцать три ученика. И каждый день приезжали новые. Не все оставались. Некоторые уходили, когда понимали, что не готовы. Но большинство оставалось. Находило здесь дом. Находило себя.

Лиссандра стала знаменитой. Не той знаменитостью, что была у герцогини. Не той, что основана на титуле, на богат-

стве, на связях. А другой. Той, что основана на деле. На том, что она сделала. На том, кем она стала.

К ней приезжали не за автографами. А за помощью. За советом. За надеждой.

И она давала. Всем. Без отказа. Без условий. Потому что понимала.

Она была не просто Хранительницей. Она была символом.

Символом того, что можно выжить. Что можно начать сначала. Что можно стать тем, кем ты хочешь быть, а не тем, кем тебя хотят видеть.

Дверь балкона скрипнула.

Лиссандра не обернулась. Она знала, кто это.

Рейнар вышел, встал рядом. Молча. Как всегда.

Они стояли, глядя на закат. На небо, что горело, как расплавленное золото. На туман, что стелился по долине. На звёзды, что загорались одна за другой.

— Как прошёл день? — спросил он наконец.

— Нормально, — Лиссандра пожала плечами. — Учила детей. Принимала просителей. Плакала над яйцами.

Рейнар усмехнулся.

— Яйца?

— Старик из деревни принёс, — Лиссандра улыбнулась.

— За то, что я сделала.

— Ты сделала много, — Рейнар посмотрел на неё. — Больше, чем кто-либо.

— Мы сделали, — поправила она. — Не я одна.

— Да, — Рейнар кивнул. — Мы.

Тишина.

Они стояли, глядя на закат. Рука в руке. Не потому что любили. А потому что так было правильно. Так было нужно. Так было — вместе.

— Лиссандра, — Рейнар повернулся к ней. — Я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Ты счастлива?

Лиссандра посмотрела на него. Долго. Внимательно.

Потом медленно кивнула.

— Да, — сказала она. — Счастлива.

Рейнар улыбнулся. Тихо. Тепло.

— Я рад, — сказал он. — Очень рад.

Они стояли молча. Рука в руке. Глядя на закат.

И Лиссандра думала.

Не о прошлом. Не о Рейнаре. Не о Меделин. Не о битве.

А о будущем.

О том, что будет завтра. О том, что будет через год. О том, что будет через десять лет.

О школе, что станет академией. Об учениках, что станут наставниками. О Лире, что станет Хранительницей. О мире, что будет другим.

О себе.

О той, кем она станет.

И впервые за долгое время она не боялась будущего.

Она ждала его.

С нетерпением.

С надеждой.

С улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.